

О НЕКОТОРЫХ ЭПИКО-МИФОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВАХ АРМЯНСКОГО И КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКОГО ЭПОСОВ

(на примере «Давида Сасунского» и «Нартиады»)

В статье анализируются некоторые общие эпико-мифологические мотивы армянской эпической традиции и карачаево-балкарской версии «Нартиады». Традиции связаны не только с общими эпическими мотивами, но и со сходными героями, а также разными атрибутами. В частности, примечательна связь героинь карачаево-балкарских сказаний Сатанай с царицей Сатеник из древнеармянского мифологического эпоса «Випасанк». Имя царицы Сатеник встречается в «Истории» Мовсес Хоренаци и у историка X в. Ованеса Драсханакертци. О Сатеник сообщается и в двух других древних армянских источниках – агнографических памятниках V в. – «Мученичество Воскянов» и «Мученичество Сукиасянов».

Относительно фольклорной традиции, мы отметили и сопоставили также основные мотивы эпосов «Давид Сасунский» и карачаево-балкарской «Нартиады», которые проявляют интересные типологические параллели – чудесное рождение главных героев, нахождение богатырского коня и снаряжения, месть героев за убитых родственников, нахождение талисмана «Кач». Есть много общего и в мотивах борьбы героев с драконами и с драконоподобными врагами. В карачаево-балкарской «Нартиаде» главными эпическими врагами нартов являются эмегены.

Герои армянского эпоса – Санасар, Мгер и Давид по разным причинам встречаются с драконами (Вишап, Белый дэв, угнавшие стадо сорок дэвов). Санасар и Мгер Старший освобождают девушек, невест из плена дэвов, а Давид убивает сорок дэвов, угнавших его стадо. Примечательно, что дэвы, как и эмегены карачаево-балкарского эпоса, живут в пещерах. Основные мотивы, конечно, встречаются и в других национальных версиях нартовского эпоса, но есть и оригинальные, которые реализуются только в карачаево-балкарских версиях.

Ключевые слова: эпос, Давид Сасунский, карачаево-балкарская «Нартиада», армянская эпическая традиция, эпические мотивы, Сатеник, Сатанай, мифологический эпос «Випасанк», Ёрузмек, Сосурук, мотив чудесного рождения, убийство дракона, братья-близнецы Санасар и Багдасар, крест «Патрази», кач.

Н. А. Hambardzumyan

On epic-mythological motifs of the Armenian and Karachay-Balkar epics (inspired by “David of Sassoun” and the “Nart” epic)

The ancient Armenian epic “David of Sassoun” has much in common with the “Nart” epic of Karachay-Balkar version. The Armenian and the Karachay-Balkar epic traditions are primarily linked by common epic motives, similar characters, attributes and names. In particular, relations between a heroine of the Karachay-Balkar legend – Satanay (“Queen Satanay”, “Eruzmek and Satanay”, etc.) and the Queen of the ancient Armenian mythological epic – Satenik (“Vipasank”) are remarkable in these epics. The name of the Queen Satenik appears in the «History of Armenia» by Movses Khorenatsi and a historian of the 10th century Hovhannes Draskhanakerttsi also mentioned her. Besides, information about Satenik was found in two ancient Armenian sources as «Martyrdom of Voskyans» and «Martyrdom of Sukiasyans».

We also mentioned and compared the main motifs of two epics «David of Sassoun» and the «Nart». These epics have intriguing typological parallels such as the heroes’ miraculous birth (Sosruko and Eruzmek) from the stone, a horse and equipment discovery. Besides it has a picture of heroes revenge for murdered relatives. Especially interesting is the magical cross – Khach Patrazi or Pataragi, which gives strength to Armenian heroes. The similar attribute, called Kach, is found in two versions of the «Nart» epic. There is a high degree of commonality in the motives of the struggle between the heroes and dragons. The main enemies of the Narts are emegens.

АМБАРЦУМЯН Айк Ашотович – к. филол. н., доцент Ереванского государственного университета.

E-mail: hayk.hambardzumyan1982@gmail.com

HAMBARZUMYAN Hayk Ashotovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Yerevan State University.

E-mail: hayk.hambardzumyan1982@gmail.com

Sanasar, Mher and David are the Armenian epic heroes who fight with dragons. Sanasar and Mhar the oldest released their brides from the devils and David killed forty of them in order to revenge for his stolen herd. It is noteworthy that the devils as well as the emegens live in caves. The similarity of epic traditions comes, on the one hand, from common features of the heroic epic and from the relations between the nations of the Caucasus, and also may be due to the more ancient Indo-Iranian mythological parallels.

Keywords: David of Sassoun, «the Nart» of the Karachay-Balkar, ancient Armenian epic tradition, epic motives, Satenik, Satanay, Armenian mythological epic “the Vipasank”, Eruzmek, Sosuruk, miraculous birth of the heroes, dragon slay, Sanasar and Baghdasar, magical cross Khach Patrazi, the Kach.

Введение

Цель данной статьи – путем сравнительного изучения армянского эпоса «Давид Сасунский» и карачаево-балкарской версии «Нартиады» выявить сходство и различие эпических мотивов, героев и структур повествования, а также показать функциональность общих мотивов в фольклорной, книжной традиции и их некоторые мифологические особенности.

Древняя армянская эпическая традиция в целом, и в частности эпос «Давид Сасунский» имеют много общего с бытующим у многих народов Кавказа – осетин, карачаево-балкарцев, адыгов, абхазов, чеченцев и ингушей эпосом о богатырях-нартах. Карачаево-балкарская «Нартиада» является одной из национальных версий общекавказской «Нартиады». Как и «Давид Сасунский» в армянском фольклоре, нартский эпос занимает центральное место в устном поэтическом творчестве карачаевцев и балкарцев.

Сатанай и Сатеник: фольклор и книжная традиция

Эпические традиции в первую очередь связаны с общими эпическими мотивами, сходными героями, атрибутами и именами [1, с. 5-81]. В частности, главная героиня многих карачаево-балкарских сказаний Сатанай («Княгиня Сатанай», «Ерюзбек и Сатанай» и т. д.) очень похожа и, как уже отмечалось многими исследователями, типологически связана с героиней Сатеник из древнеармянского мифологического эпоса «Випасанк». Этот эпос относится к эпохам правлений Ервандидской и Арташесидской династий в Армении (VI-I вв. до н. э.). Стихотворные отрывки из этого эпоса мы находим в «Истории Армении» армянского историографа V века Мовсеса Хоренаци. Тамаланскую принцессу Сатеник похищает армянский царь Арташес, женится, сыграв пышную свадьбу. Затем Сатеник рождает Артавазда и еще многих детей, но потом в сказаниях рассказывается о страсти Сатеник к «драконорожденному» Аргавану. В результате Артавазд истребляет «драконорожденных», а потом отец-царь Арташес проклинает его, и он во время охоты падает с лошади и исчезает в яме, вблизи горы Арарат [2, кн. II, гл. 50].

Рис. 1. Арташес и Сатеник (Художник И. Поттер, 1939 г.)

Несмотря на то, что у Мовсеса Хоренаци Сатеник связана с историческими личностями и событиями, анализ мотивов и отрывков показывает, что она – героиня мифов и преданий, которые были любимы в народной среде. Посвященные ей эпические песни исполнялись и рассказывались в древней Армении.

Имя царицы Сатеник встречается в «Истории» Хоренаци ещё один раз, когда историк рассказывает о том, как армянские войска по приказу Арташеса отправляются в страну аланов, на помощь брату Сатеник. После смерти ее отца кто-то овладел царством аланов и изгнал брата Сатеник. Армянские войска возвращают власть брату Сатеник [2, кн. II, гл. 52].

О Сатеник сообщается и в двух других древних армянских источниках – агиографических памятниках V в. «Мученичество Воскянов» и «Мученичество Сукиасянов». Согласно источникам, Воскяны – ученики апостола Фаддея пришли в Армению и пытались обратить в христианство царя Арташеса. Но их усилия оказали воздействие на приближенных и сородичей царицы Сатеник – Сукиасянов, которые приняли от Воскянов крещение. После этого Сукиасяны покинули царский двор и поселились в горах. Через 44 года их убили прибывшие из Алании соплеменники царицы, которые пытались вернуть их к прежней вере. Однако, согласно «Мученичеству Сукиасянов», они погибают от рук персидских солдат [3, с. 172, 176-185].

Из армянских авторов более позднего периода о мучениках Воскян и Сукиасян и о царице Сатеник сообщает историк X в. Ованес Драсханакертци [4, гл. 7]. В фольклорных источниках героиня по имени Сатеник или Сатаней более не встречается.

Армянский эпос «Давид Сасунский» и карачево-балкарская «Нартиада»: структура и герои

В армянском народном эпосе «Давид Сасунский» не встречается героиня Сатеник, но есть много общих мотивов и типологически сходных героев. Эпос впервые был записан в 1873 г. в Муше, в провинции Западной Армении (ныне территория Турции). Эпос, который, по общепринятому мнению, имеет очень древние мифологические корни, а окончательно был сформирован в VIII-XIII вв., не был записан до второй пол. XIX в. Армянская средневековая историография не сохранила эпос в письменном виде, но о существовании эпоса свидетельствуют другие, и, что примечательно, не армянские письменные источники: арабский источник XII в., автором которого считается Аль Вакид [5, с. 385-394] и, путевые заметки португальских путешественников XVI в. А. Тенрейро и М. Афонсо [6], книга «Шараф-Наме» курдского автора XVI в. Шараф-Хана [7, с. 386].

По всем признакам эпос формировался в горной провинции Западной Армении – в Сасуне, затем распространился в соседних провинциях, а позднее – в Восточной Армении и в тех районах Ирана, которые были населены армянами. Большинство вариантов эпоса были записаны вдали от их родины – Западной Армении (Муша, Вана и Сасуна), и по этой причине во многих вариантах диалекты смешались. Но сохранились главные художественные особенности эпоса – целостность, структура, система персонажей и связь с другими образцами армянского эпического фольклора.

Структура эпоса строится по генеалогическому принципу. Во всех записанных вариантах армянский эпос имеет от одной до четырех «ветвей» – частей, посвященных поколениям героев. В каждой из трех типологических групп вариантов эпоса по степени

Рис. 2. Иллюстрация к армянскому народному эпосу «Давид Сасунский» (Художник Е. С. Кочар, 1939 г.)

Рис. 3. Мгер Старший нападает на льва
(Художник С. Алексян)

реализации этой четырехветвичной модели имеются свои структурные особенности. Первая и третья ветви эпоса встречаются отдельно, а вторая и четвертая – только в связке с другими ветвями. Первая ветвь отдельно встречается только в вариантах из близлежащих районов озера Ван. Это можно объяснить тем, что история главных героев первой ветви эпоса – культурных героев близнецов Санасара и Багдасара, которые основали крепость Сасун и считаются предками армянского княжеского и царского дома Арцруни, была любима и распространена в этих районах до формирования эпоса. История близнецов, кроме эпоса, упоминается в Ветхом Завете [8, Четвёртая книга Царств. 19:37] и в «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци [2, кн. I, гл. 23].

Вторая ветвь повествует о Мгере Старшем, которого прозвали Льву подобным. Третья, центральная ветвь эпоса, рассказывает про жизнь и подвиги главного героя – богатыря Давида. В четвертой ветви повествуется о сыне Давида Мгере Младшем.

Эпические тексты карачаево-балкарской «Нартиады», как и сказания о сасунских бога-

тырях, группируются вокруг основных героев и делятся на циклы:

- 1) Ёрюзмек и Сатанай;
- 2) Сосурук;
- 3) Дебет, Алауган-Карашауай;
- 4) Бёдене и Рачикау, или Дебет и его сыновья; Алауган, сын Дебета; Карашауай, сын Алаугана.

Но есть и другие особенности: «Одни циклы образуются из ряда сказаний, которые группируются вокруг имен нартских героев по биографическому принципу (Ёрюзмек, Сатанай и др.), другие – по генеалогическому (Дебет-Алауган-Карашауай; Ачей-Ачемез, сын Ачея, Бёдене-Рачикау). Малые циклы складывались из сказаний и песен о нартских героях, с именами которых связано небольшое количество сюжетов и чьи эпические «биографии» детально не разработаны. Каждый цикл представляет собой достаточно самостоятельную и законченную группу сказаний, однако все циклы взаимосвязаны (а иногда и взаимообусловлены)» [9, с. 481].

Армянские эпические сказания о сасунских героях повествуют о богатырях, связанных между собой узами родства. А в карачаево-балкарских нартских сказаниях по генеалогическому принципу образуются лишь циклы: Дебет-Алауган-Карашауай; Бёдене-Рачикау и Ачей-Ачемез, сын Ачея.

Основные мотивы эпосов

В содержательном плане есть много общего между эпосами. Основные мотивы карачаево-балкарского эпоса – чудесное рождение героев Сосурука, Ёрюзмек из камня, нахождение богатырского коня Гемуды из озера или моря, борьба Сосурука с поедающим орлят драконом, история женитьбы, нахождение каких-либо волшебных предметов, междоусобица из-за угона табунов или месть героя за убитого отца или братьев – имеют яркие эпические параллели с армянским эпосом.

В первой ветви эпоса в мотиве зачатия от воды братьев-близнецов Санасара и Багдасара то же самое эпическое пространство, что и в мотиве рождения Сосурука, но герои армянского эпоса не рождаются из камня. Так, Цовинар – мать близнецов, перед замужеством гуляет по родным местам, испытывает жажду и в воде озера или моря (по другим вариантам, в пещере, на острове) открывается источник, и она пьет две горсти воды и беременеет. Так, в варианте сказителя Вардана Мухси-Базикяна читаем:

Пошли на богомолье в обитель Хили.
Сели они там, поели, попили.
Около девушки по эту, по ту сторону
Забил два родника.
Иерей Меликсет взял тут чашу,
Зачерпнул воды из того родника,
Поднес девушке, досыта напилась она,
Попросила: – Батюшка, дай еще.
Еще раз поднес он, – напилась досыта она, –
Тут иссякли оба родника...
Прошло еще время, девушка затяжелела [10, с. 129].

Сасунские богатыри чудесным образом рождаются от воды источника или озера. В нартовских вариантах Кюн-бийче или Сатанай встречаются у реки с пастухом (Созук), который с противоположного берега реки посылает свое семя. Оно попадает в камень, за которым спряталась девушка (сидела на нем). Потом мудрая Кырс-бийче, у которой не было детей, тут же посылает своих людей, и они приносят камень в ее крепость. Камень раскалывается через девять месяцев, и из него рождается Сосурук. После рождения сасунских близнецов муж Цовинар – багдадский халиф хочет принести их в жертву своим идолам, но они убивают халифа и приходят в Армению. А в нартовских сказаниях Кырс-бийче, извлекая Сосурука из камня, перерезает пуповину и возносит молитву к богам – Тейри Неба, Тейри Земли, Тейри Воды и Тейри Огня: «Сделайте его настоящим нартом: пусть его не берут ни меч, ни стрела! Пусть всегда побеждает он своих врагов!». Потом она водой из родников гор ополаскивает рот малыша, давая ему силы великих гор: «Эти семь гор твои матери, я прополоскала их молоком твой рот» [11, с. 364-366]. Хотя в сасунском эпосе не встречается этот мотив, но реализуется комплекс мотивов, связанных с водою: так, старший из близнецов Санасар становится сильнее и мощнее после купания в воде озера. Центральный герой Давид перед боем с Мсра Меликом пьет воду из источника и приобретает силу, становится богатырём. Нужно отметить также, что родник, из которого пьет Давид, называется «Катнахбюр», то есть – Молочный источник. В обоих случаях живительная вода воспринимается как молоко богов или гор:

Конь сказал: – Давид,
Давал ведь кери тебе наказ:
«По пути встретишь ты родник,
Молочный родник твоего отца,
Сойдешь с коня, умоешься,
Поешь, /попьешь/, там ляжешь, уснешь».
... Давид там умылся, поел,
Испил воды, улегся, уснул.
Проснулся Давид и стал таким могучим,
Что чуть не полопались доспехи на нем [10, с. 67].

В эпических сказаниях разных народов с мотивами чудесного рождения связаны и другие мотивы: например, быстрый рост героев, неоднозначно воспринимающиеся детские шалости, которые связаны с исключительностью героев. Как и нартские герои, сасунские богатыри растут и мужают очень интенсивно. Это относится в особенности к Мгеру Старшему и Мгеру Младшему:

Бог дал Давиду сына,
Нарекли ему имя Мгер.
Другие дети по годам растут,
Мгер по дням растёт [10, с. 74].

Особенностью карачаево-балкарских сказаний, которые рассказывают о детстве Сосурука, является подробное описание его богатырской силы и ловкости. Например, когда Сосурук спасает Ёрюзмека во время пира и вытаскивает его из башни [11, с. 329-332]. Точно так же сасунские герои Давид и Мгер свою богатырскую мощь проявляют в раннем детстве. Маленький Давид во время богатырской игры перехватывает палицу или ядро Мелика, Мгер Младший

во время игры по неосторожности калечит детей. По другим версиям, он разрывает цепи, бьет отца.

В обоих эпосах также реализуется мотив неузнавания сына отцом. Разница в том, что в армянском эпосе Давид не узнает Мгера, и они борются, потом отец проклинает сына. В нарттовском эпосе – наоборот: сын спасает отца, только после этого Ёрюзмек узнает о своем сыне: [Сатанай] спросила:

«Ты хотел бы, чтобы он твоим братом был?»
– Нет. Когда ты сильнее –
[он тебе] брат,
Если же ты слабее –
[он тебе] кровный враг, – ответил [Ёрюзмек].
– А хотел бы, чтобы [он] твоим сыном был? –
спросила. –
Конечно, но откуда такое счастье? –
ответил [Ёрюзмек].
– Так знай же, он твой сын,
Камень, на который ты будешь опираться в старости [11, с. 332].

В эпических текстах многих народов реализуются мотивы, связанные с нахождением и испытанием волшебного коня, который является советчиком и помощником эпических героев. Эти мотивы встречаются во всех национальных версиях «Нартиады». В карачаево-балкарской версии в разных вариантах нарттовские герои Урузмек или Ачмез находят своего коня в подземелье. Потом герой несколько (три) раз ударяет его плетью, конь поднимается на небо и опускается на землю, но герой удерживается в седле, и конь клянётся верностью служить ему [11, с. 321, 563]. В других версиях Алауган / Карашауай находит своего коня Гемуду в озере/ море и приручает его [11, с. 399, 429, 438].

В сказании «Карашауай испытывает Гемуду» герой говорит Гемуде:

Эй, Гемуда мой, – сказал [Карашауай], – мы с тобой верные друзья,
Покуда ты жив, мы одолеем и [эту] огненную гору.
Ты – конь земли, воды и воздуха,
Никто не сможет сравниться с тобой в выносливости! [11, с. 439-440].

О морском происхождении Гемуды рассказывается и в сказаниях «Нарт Карашауай и Гемуда», «Батыр Карашауай и Гемуда» [11, с. 451-455, 455-462].

В армянском эпосе герой первой ветви Санасар волшебного, говорящего коня Куркика Джалали находит на дне морском. Куркик Джалали, как и Гемуда, поднимается в небо, хочет обжечь солнцем наездника, спускается вниз и хочет бросить его на землю. Но в конце становится верным другом героя:

И пошел он, дерзнул он к коню подойти.
А конь Джалали обернулся, спросил:
– Тварь земная, что надо тебе?
Санасар: – Иль я сесть на тебя не смогу?
Джалали: – Я взметну тебя к солнцу,
О солнце сожгу!
Санасар: – Я от моря рожден,
Я припрячусь под брюхом твоим.
Джалали: – Оземь хлопну тебя,
В землю вроешься ты!
Санасар: – Я от моря рожден,
Мигом вспрыгну на спину твою [12, с. 47].

В некоторых вариантах коня выбирает герой второй ветви, сын Санасара – Мгер. В этих случаях Куркик описывается как невзрачный, паршивый жеребенок, которого герой выбирает из конюшни, после того, как узнает силу коня, ударив его по спине. В нарттовском эпосе также выглядит и конь Сосурука. В сасунском эпосе конь переходит от поколения к поколению – от Санасара до Младшего Мгера и в конце скрывается с ним в пещере.

В «Давиде Сасунском» мотивы, связанные с нахождением и укрощением коня, встречаются вместе с мотивами приобретения силы и нахождения боевого снаряжения. Меч армянских героев называется «Меч-Молния». Санасар находит его вместе с другим богатырским снаряжением и с конём на дне морском:

Вон стоит невдали конь морской Джалали.
Меч-молния, с неба упавший, на нем,
Под седлом конь, ждет, удила грызет,
Коль достоин его – сядешь в седло.
Здесь потайной увидишь ларь,
Кафтан железный ларь хранит,
Сапожки бранные таит,
В нем пояс панцирный лежит,
Шлем, что не может быть пробит [12, с. 45-46].

Те же мотивы встречаются и в варианте нартовского эпоса «Ачмез, сын ачая» [11, с. 546-549].

В карачаево-балкарских сказаниях меч героев тоже имеет небесное рождение: меч Ёрюзмека первокузнец Дебет выковывает из обломков хвостатой звезды, из которой родился герой. Меч Сосурука испускал молнии [11, с. 309, 374].

Во многих национальных версиях «Нартиады» реализуется мотив добывания огня. Так, в карачаево-балкарской версии Сосурук отправляется за огнем и в одной пещере находит костер. У костра спал эмеген. Сосурук выхватывает из костра горящую головню, отлетевшая искра попадает в единственный глаз эмегена. Эмеген просыпается и ловит Сосурука вместе с конем. Примечательно, что эмеген не узнает героя и расспрашивает его о Сосуруке. Сосурук рассказывает о мнимых играх, а эмеген выполняет их, но не справляется с последним испытанием. По просьбе замёрзшего эмегена Сосурук отрубает его голову, вынимает его спинной мозг и возвращается с огнем [11, с. 367-368].

В армянском эпосе отсутствует мотив добывания героями огня, но в нескольких вариантах герой четвертой ветви Мгер Младший, который имеет много общего с Сосуруком, попадает в пещеру и там около костра встречает злую старуху-Дэва – сестру дэвов, которая хочет убить его. Так же, как и в рассказе «Шауай», где герой Алаьган встречает громадную женщину-эмегена [11, с. 463-464], старуха-Дэв армянского эпоса имеет закинутае через плечо перси и хочет выдать замуж свою дочь за Мгера [10, с. 50, 79].

Драконоборчество

Есть много общего и в мотивах борьбы героев с драконами и драконоподобными врагами. В карачаево-балкарской «Нартиаде» главными эпическими врагами нартов являются эмегены. Интересно, что эмегенов тоже создал бог, потом он создал нартов, чтобы от них избавить землю. В армянском эпосе главный герой Давид и его враг Мелик – братья, сыновья Мгера Старшего от разных жен. Сначала рождается Мелик, а потом, когда Мгер Старший видит, что Мелик представляет угрозу для Сасуна, он возвращается домой и думает о наследнике. Мелик, хоть и представляется как человек, но воспринимается сказителями как дракон:

В зеленом том шатре он спит,
Златое яблоко над тем шатром блестит.
От Мелика мух отгоняют семь дев,
Мелику пятки чешут семь дев.
Дым, что клубится над шатром,
Ведь то не дым,
То изо рта Мелика пар валит [12, с. 279].

Кроме этого, в первой, второй и третьей ветвях эпоса герои Санасар, Мгер и Давид по разным причинам встречаются с настоящими драконами (Вишар, Белый дэв, угнавшие стадо сорок дэвов). Санасар и Мгер Старший освобождают девушек, невест из плена дэвов, а Давид убивает сорок дэвов, угнавших его стадо. Примечательно, что дэвы, как и эмегены карачаево-балкарского эпоса, живут в пещерах. В мотиве со стадом Давид находит котел о сорока ушах, который встречается и в карачаевских сказаниях: «В назначенный день заговорщики собрались

все на пир. Когда уже все было приготовлено и когда повесили на огонь котел о сорока ручках, положив в него сорок бугаев, то стали советоваться» [11, с. 336].

В варианте «Сосурук под землей» реализуется сказочный мотив добывания лекарства для отца. Сосурук с братьями по совету Сатанай едет за золотой рыбкой, с помощью которой можно вылечить Ёрюзмека. Сосурук находит ее первым, но братья решают убить его и забрать золотую рыбку. Они бросают Сосурука в пропасть, но он спасается. Потом, убивая девятиглавого эмегена, спасает аул от гибели. В знак благодарности жители аула рассказывают об орлице и о поедающем орлят драконе, и о том, что, если Сосурук сможет убить дракона, тогда орлица вернет его домой. Так и случается: «Сосурук захватил свои доспехи и отправился к гнезду орлицы. Орлята сначала испугались, но, когда поняли, что он не причинит им вреда, обрадовались и подружжились с ним. Вдруг всю землю охватила жара, листья на деревьях, травы свернулись, завяли и пожжелтели. А через мгновение, изрыгая из пасти пламя, показался дракон. Орлята испугались, съежились и прижались [друг к другу]. А Сосурук взял в руки лук и приготовился стрелять. [Потом] он прицелился и пустил стрелу в грудь дракона. Дракон свился кольцом. Кровь его разлилась кругом и окутала все [туманом], словно пар от кипящей воды. Полуживого дракона Сосурук разрубил мечом. [Тогда] орлята позвали Сосурука в свое гнездо и стали ласкаться [к нему]» [11, с. 385].

Потом реализуется комплекс мотивов, связанных с драконоборчеством: орлица закрывает крыльями солнце, идет дождь, и герой с помощью птицы выходит на поверхность земли.

Те же мотивы – убийство дракона, спасение орлят, освобождение воды, затмение солнца, дождя и т. д. – реализуются в одном из вариантов армянского эпоса. Герой первой ветви Санасар совершает те же деяния, убивает двух драконов, для того чтобы вернуться в светлый мир [13, с. 333-340].

Из сходных мотивов можно также вспомнить обжорство богатырей. Герои Давид и Мгер много едят и пьют, как и нарты Рачикау/ Ёречыкау, Карашауай: «Стол поставили перед Рачикау, а тенчек дали ему в руки и сказали: «Это обыденная еда твоего друга Сосурука». Рачикау выпил разом все питье из тенчека, который едва могли поднять трое слуг, и сказал: «Ах, если бы я выпил еще тенчек, то, пожалуйста, утолил бы свою жажду». Четыре куска хлеба он съел в четыре приема» [11, с. 516, 519, 521, 476].

Армянский «Хач Патрази» и карачаево-балкарский «Кач»

Перечисление армяно-карачаево-балкарских эпических параллелей завершим описанием одного интересного мотива, на который обратил внимание лингвист-арменовед Грач Мартиросян. В двух вариантах карачаево-балкарского эпоса – «Ёрюзбек и белая олениха», «Ёрюзбек и Джинны» – герой говорит об атрибуте «Кач», которому дал клятву.

Нет, я так не уйду! У меня на правой лопатке – кач,
[Я должен быть верен] своей клятве – делить ложе со всеми
красивыми женщинами, которых я встречу [11, с. 349].
Если поеду – голову потеряю,
Если не поеду – честь [нарта] потеряю, – сказал. –
[Ведь] я на правой лопатке кач имею, – сказал, –
Я [ведь] дал клятву не проезжать мимо
Вот таких неведомых мне мест, – сказал [11, с. 352-353].

«Кач» находится на правой лопатке героя и воспринимается как сакральный талисман, которому дают клятву, бояться его возмездия. В примечаниях к текстам вариантов нартского эпоса слово «Кач» объясняется как «крест», «образ», «икона», хотя не называется язык, с которого переводится. Г. Мартиросян предполагает, что это может быть заимствование из армянского, потому что на армянском языке слово «хач», которое созвучно слову «кач», имеет значение «крест». Кроме того, в эпосе «Давид Сасунский» крест является наследным хранителем сил и мощи героев. Крест имеет вид талисмана или мясного образования и точно также находится на правом плече или на руке героя. Герой первой ветви Санасар получает его в церкви, после того как во сне ему об этом сказала богоматерь:

Все добыл, все достал.
Семь поклонов отдал он,

И молитву прочитал,
И положили ангелы ему
На руку правую Ратный крест,
Чтоб ничей удар Санасара не поразил [12, с. 47].

А Давид всегда призывает к кресту перед боем, дает напутствие жене о том, что после боя его тело можно узнать по кресту. А в конце Давид погибает от того, что клянется на кресте и не сдерживает слово:

Давид одежду снял, умыться хотел.
Взглянула жена, – а крест на его руке
Почернел весь, как уголь стал.
Заплакала, грустила она.
Давид сказал: – Жена,
Чего ты плачешь и грустишь?
Она же: – Ратный крест на руке твоей
Почернел, как уголь стал.
А он: – Хандут-хатун,
То не Мгер мечом мне голову разил,
То мой Ратный крест поражал меня!
Жена, мой долг к Чымшкик-султан ийти,
Я клятву дал вернуться через семь дней,
Прошло семь лет, обманул я ее... [12, с. 341].

В вариантах эпоса крест имеет названия «Патараги» (литургический крест), «Патеразми» (военный крест), «Патрасти» (готовый, сделанный крест) или «Патрази». По мнению Г. Мартиросяна, все названия креста можно объяснить на армянском языке, кроме Патрази. Это имя напоминает имя нартского героя Батраза и, возможно, оно восходит к нартскому эпосу. Остальные же варианты, возможно, являются следствием народной этимологии [14, с. 57].

«Армянское слово «хач» неоднократно свидетельствуется, начиная с V века, и встречается во всех диалектных ареалах..., заимствовано многими языками региона, в частности – тюркскими. Кроме этого, крест, находившийся на теле эпического героя и мотив его связи с нарушением клятв, довольно стабилен в нашем эпосе. Следовательно, очевидно, что этот эпический атрибут, имеющий христианскую основу, был заимствован тюркской карачаево-балкарской традицией северокавказского нартского эпоса» [14, с. 58]. Это утверждение обосновано приведённым материалом, но характер заимствования требует более обстоятельного исследования эпических традиций тюркских народов.

Заключение

Итак, очевидно, что есть много параллелей между эпосами. Основные мотивы, конечно, встречаются и в других национальных версиях нартского эпоса, но есть и оригинальные, которые реализуются только в карачаево-балкарских версиях. Интересны, в частности, мотивы, связанные с царицей Сатеник, которые реализуются в армянской средневековой историографии и в агиографических текстах. Другие эпические мотивы, например, чудесное рождение главных героев, нахождение богатырского коня и снаряжения, борьба с драконами, женитьба, месть героев за убитых родственников и т. д., наряду с некоторыми оригинальными чертами имеют эпико-мифологические параллели не только с армянским эпосом, но и с эпосами других народов Кавказа и Азии.

В данной работе мы не ставили задачу объяснить генезис этих аналогий, но можно предположить, что сходство эпических традиций восходит, с одной стороны, к общим жанровым особенностям эпического повествования и к многовековым отношениям между народами Кавказа, а с другой, оно обусловлено более древними индоиранскими мифологическими параллелями [1, с. 46].

Литература

1. Петросян А. Е. Соотношение армянского и северо-кавказско-нартского эпоса. Армянский эпос и

- всемирное эпическое наследие / Материалы III Международной конференции. – Ереван: Изд-во Академии наук, 2012. – С. 8-51. (на арм. яз.)
2. Мовсес Хоренаци. История Армении. – Ереван: Айастан, 1990. – 291 с.
  3. Тер-Давтян К. С. Памятники армянской агиографии. Выпуск 1. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1973. – 328 с.
  4. Ованес Драсханакертци. История Армении. – Ереван: Советакан Грох, 1986. – 400 с.
  5. Абемян М. Х. Труды. Т. 1. – Ереван, 1966. – 571 с. (на арм. яз.)
  6. Кюулпенкян Р. В. Армяно-португальские отношения. – Ереван, 1986. – 356 с. (на арм. яз.)
  7. Шараф-хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф-наме. Том 1. – М.: Наука, 1967. – 620 с.
  8. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское общество, 2014. – 1376 с.
  9. Хаджиева Т. М. Религиозно-мифологические мотивы в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев // Историко-культурное наследие и духовные ценности России. – М., 2012. – С. 477-487.
  10. Армянский народный эпос «Сасунские удалцы»: избранные варианты. – Ереван: Ван Арьян, 2004. – 348 с.
  11. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. – М.: Наука. Изд. фирма «Восточная литература», 1994. – 656 с.
  12. Давид Сасунский. Армянский народный эпос. – М.-Л.: Изд-во Академии Наук СССР, 1939. – 384 с.
  13. Давид Сасунский. Новые варианты. – Ереван, 1977. – 366 с. (на арм. яз.)
  14. Мартиросян Г. К. Одно наблюдение об Хаче Патрази. Армянский эпос и всемирное эпическое наследие / Материалы IV Международной конференции. – Ереван, 2014. – С. 54-60. (на арм. яз.)

References

1. Petrosjan A. E. Sootnoshenie armjanskogo i severo-kavkazsko-nartskogo jeposa. Armjanskij jepos i vseмирное jepicheskoe nasledie / Materialy III Mezhdunarodnoj konferencii. – Erevan: Izd-vo Akademii nauk, 2012. – S. 8-51. (na arm. jaz.)
2. Movses Horenaci. Istorija Armenii. – Erevan: Ajastan, 1990. – 291 s.
3. Ter-Davtjan K. S. Pamjatniki armjanskoj agiografii. Vypusk 1. – Erevan: Izd-vo AN Armjanskoj SSR, 1973. – 328 s.
4. Ovanes Drashanakertci. Istorija Armenii. – Erevan: Sovetakan Groh, 1986. – 400 s.
5. Abegjan M. H. Trudy. T. 1. – Erevan, 1966. – 571 s. (na arm. jaz.)
6. Kjuulpenkjan R. V. Armjano-portugal'skie otnoshenija. – Erevan, 1986. – 356 s. (na arm. jaz.)
7. Sharaf-han ibn Shamsaddin Bidlisi. Sharaf-name. Tom 1. – M.: Nauka, 1967. – 620 s.
8. Biblija. Knigi Svjashennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta. – M.: Rossijskoe Biblejskoe obshhestvo, 2014. – 1376 s.
9. Hadzhieva T. M. Religiozno-mifologicheskie motivy v nartskom jepose karachaevev i balkarcev // Istoriko-kul'turnoe nasledie i duhovnye cennosti Rossii. – M., 2012. – S. 477-487.
10. Armjanskij narodnyj jepos «Sasunskie udal'cy»: izbrannye varianty. – Erevan: Van Ar'jan, 2004. – 348 s.
11. Narty. Geroicheskij jepos balkarcev i karachaevev. – M.: Nauka. Izd. firma «Vostochnaja literatura», 1994. – 656 s.
12. David Sasunskij. Armjanskij narodnyj jepos. – M.-L.: Izd-vo Akademii Nauk SSSR, 1939. – 384 s.
13. David Sasunskij. Novye varianty. – Erevan, 1977. – 366 s. (na arm. jaz.)
14. Martirosjan G. K. Odnobljudenie ob Hache Patrazi. Armjanskij jepos i vseмирное jepicheskoe nasledie / Materialy IV Mezhdunarodnoj konferencii. – Erevan, 2014. – S. 54-60. (na arm. jaz.)

